

РУССКИЙ РОК

5 канал (Петербург), 2008, выдержки Дятлова Н. С., 2013

Часть 1

1. **Стас Намин** («Цветы», 1969–1989): Существовала такая как бы монополюсно непреодолимая «советская песня». Такой жанр был. Построен он был на патриотических песнях с лжепафосом о любви, там, к родине, к женщине... Не знаю, к чему ещё, там, про что ещё было... И военные песни.
2. **Игорь Прохоров** («Кочевники», 1973–1992): С самого утра, значит, наших дорогих сердцу советских людей долбили по голове... Сейчас вспомню это произведение... А, во: (Представляете, насколько нужно было мне, молодому — сказать по правде, сопливому, — вдолбить в голову, чтобы я по сей день помнил.) *«Мы все в своих профессиях прорабы и побрататься дружбою прорабов нам пора бы».*
3. Впрочем, при Хрущёве в «железном занавесе» появляются прорехи — в страну начинают приезжать первые за многие десятилетия иностранные туристы. Кое-кто из граждан СССР, пройдя тщательный отбор и проверку, путешествует по Восточной Европе и даже по капиталистическому Западу.
4. В Эстонии и Латвии на молодёжную музыку и танцы смотрят снисходительно. Прибалтийские музыканты всегда были в первых рядах советской рок-музыки, но при этом всегда чуточку «в стороне».
5. **Тоомас Кырвите** («Оптимисты», с 1963): Наша идея создать группу возникла отчасти потому, что мы постоянно смотрели финское телевидение и мы видели, как выступают финские группы.
6. Уже в 1965 году пластинки The Beatles появляются на советском чёрном рынке.
7. **Михаил Боярский** («Кочевники», 1968–1970): Я учился в музыкальной школе при консерватории и на одном из вечеров в школе остановился, забыл про девушку, с которой танцевал, — услышал музыку какую-то божественную [The Beatles]...
8. Роль Биттлз для нашей музыки судьбоносна — в Советском Союзе сами собой рождаются собственные бит-группы (слово «рок» тогда ещё никто не употреблял). В отличие от западных, первые советские рокеры не оставили после себя архивов.
9. В основном, группы появлялись в высших учебных заведениях — играли на студенческих вечеринках и танцах.
10. В середине 60-х годов выступления группы «Аргонавты» в этом зале [?] значили для ленинградской молодёжи приблизительно то же самое, что и концерты Биттлз в ливерпульском клубе Cavern пятью годами раньше.
11. Музыкальный бум власти поначалу приняли как новое творческое и техническое увлечение передовой молодёжи. Отечественные ленноны и джаггеры учились в институтах — наши, советские ребята, комсомольцы, дети заслуженных родителей.
12. **Владимир Марочкин** (рок-журналист): Группа «Сокол» — совершенно замечательная команда. То есть... Юрий Ермаков — он сын начальника ПВО страны, Юрий [?] Гончарук — сын главного редактора журнала «Коммунист» (основного такого идеологического журнала у нас в стране), а клавишник Слава Черныш известен тем, что женился на дочери председателя Комитета Госбезопасности Семичастного.
13. «Петь из-под волос»!
14. Были проблемы, как достать пластинки, ведь выпускала в СССР музыку только фирма «Мелодия».
15. Перед первыми героями рок-н-ролла встали две острейшие проблемы: аппаратура и музыкальные инструменты. Вот это вот — гитара Gibson, в то время в нашей стране о таком инструменте знали единицы, а владеть им — было чем-то из области фантастики. Ходят

- легенды, что первый Gibson, появившийся в Москве в начале 60-х, его владелец за 3 рубля разрешал только посмотреть и потрогать.
16. Формально музыканты могли выступать публично, только имея диплом о музыкальном образовании, утверждённую программу в рамках официальной концертной организации. И мода на парней с гитарами, а значит, и сборы с концертов, заставляли эти организации подсуесться. Так появились ВИА — вокально-инструментальные ансамбли. В отличие от бит-групп, ВИА пели песни советских композиторов: правильные, идеологически выдержанные и на родном языке.
 17. **Александр Градский** («Скоморохи» с 1966): ВИА все, значит, начинали свою деятельность с того, — и это было непреложным законом, — что они играют музыку и песни советских композиторов. Но поскольку современная форма привлекает людей, значит, давайте им всем навесим гитары, оденем-причешем, и они будут петь «советскую музыку» — известную музыку, *хорошую* музыку.
 18. Самодеятельные бит-группы не сдавались. Музыканты даже пытались сочинять на русском: в Москве — «Соколы» и «Скоморохи», в Ленинграде — «Кочевники». Но такие попытки считались изменой идее: петь по-русски — позорная ересь! Настоящая бит-группа должна быть точь в точь, как Биттлы, Роллинги или Бич Бойз.
 19. **Владимир Рацкевич** («Рубиновая атака» с 1967): «Как это? Петь фирменные песни? Ну, это вообще кондово как-то, на наш взгляд...» Тогда это воспринималось просто топорно. А о каком-то творчестве при написании своих песен речи не шло, потому как *что* может быть лучше западного-то, действительно?
 20. **Стас Намин** («Цветы», 1969–1989): Да не так важно было в тот момент понимать, уж, дословно всё, что мы поём... Потому что весь драйв вообще, весь кайф, он был не связан с тем, что «ах, вот какие умные слова» — просто был кайф от любой музыки.
 21. Продвинутая публика предпочитала ВИА англоязычную самодеятельность.
 22. Сами пионеры рок-н-ролла были бескорыстны [в отличие от Васина, Айзеншписа и Артемьева], им хотелось только одного — играть любимую музыку. Тем более что, до поры до времени, обходилось без инцидентов — милиция иногда обращала внимание на странные мероприятия, до них доходили слухи о денежной возне вокруг концертов, но, так или иначе, всё заканчивалось счастливо.
 23. **Владимир Марочкин** (рок-журналист): Группа «Сокол», как они сами рассказывали, устраивала концерты в каких-то кафе, и часть столиков занимали их друзья, там, часть столиков занимали фарцовщики, часть столиков занимали студенты, а часть столиков — молодые лейтенанты КГБ, которые ходили просто на группу «Сокол», чтобы послушать любимую музыку. Но в то же время получалось так, что они их реально охраняли. Мне рассказывали, что однажды где-то в Измайлово (это уже в конце 60-х) приехал, там, целый отряд милиции, чтобы этот концерт свинтить. Так вот — эти молодые лейтенанты КГБ, по моему, даже вызвав подмогу таких же ребят, как и они, — встали на защиту любимой группы... Была драка в этом самом парке Измайлово, где они, таки, отбили «Сокол». То есть они не позволили милиции закрыть этот самый концерт.
 24. Но времена менялись: на дворе уже стоял 1968 год, на Западе — время молодёжных бунтов. В Париже молодёжные демонстрации перерастают в настоящую революцию: студенты выходят на баррикады. В Чехословакии — «Пражская весна», попытка построить «социализм с человеческим лицом», закончилась она советскими танками. Усмирив несогласных в ближнем зарубежье, КПСС и КГБ обращают внимание внутрь страны и начинают пристально приглядываться к непонятным «парням с гитарами».
 25. Для полномасштабных преследований просто не подворачивалось случая, но, конечно же, только до поры до времени...
 26. «Английский бы выучил только за то, что на нём разговаривал Леннон».
 27. **Олег Исаев** («Фламинго», 1966–1970): Буквально на следующий день мы узнали, что там, где мы базировались, сняли директора Дворца культуры моряков [?] с работы, объявили партийный выговор. Мой декан, в частности, получил выговор по партийной линии. А дальше — следствие, и я, вот, был исключён из комсомола. Формулировка была, как сейчас помню:

- «За участие в нелегальном вокально-инструментальном ансамбле, за потерю комсомольской бдительности и принципиальности».
28. Группу «Фламинго» заклеил главный орган ленинградского обкома партии — газета «Ленинградская правда»: «Пошлая, вульгарная программа!». Группу тут же запретили. Рок-вольница закончилась. Музыкантам припомнили всё: и английский язык, и вызывающий внешний вид, и участие в незаконных концертах. В Москве был арестован и осуждён Юрий Айзеншпис, в Ленинграде — Сергей Артемьев, и разогнана «Поп-федерация».
 29. Тремя годами ранее Коля [Васин] отправил телеграмму из Ленинграда в Лондон — Джону Леннону с поздравлениями в день рождения, — и телеграмма дошла. А Джон в ответ отослал виниловую пластинку Live Peace [?] In Toronto Коле Васину с автографом... И что самое невероятное — винил нашёл своего адресата.
 30. [Кинчев рассказывает, что только после того, как у них появился магнитофон и иностранные записи, он «приобщился к культуре»].
 31. **Андрей Макаревич** («Машина времени»): Был магнитофон Phillips — очень похожий, вот, в фильме «17 мгновений весны» был такой маленький, вертикальный с двумя маленькими, вот, такими вот катушечками. Он был очень выносливый, но там, естественно, был *такой* динамик, и там совсем не было низких частот. Поэтому я, например, в первые годы совершенно не понимал функцию бас-гитары, так как она там в звуковой палитре отсутствовала начисто. И потом только, когда я вдруг пришёл в гости к одной девочке, у которой папа был работник МИДа, я услышал колонки Sony, где стала слышна и бочка, и бас, — меня просто со стула сшибло, потому что половины музыки я, оказывается, не слышал.
 32. Но в середине 70-х терпеть рок-музыку с русскими словами власти не собираются. На музыкантов — даже москвичей со связями — находят быстрые и действенные методы.
 33. **Юрий Ильченко** («Мифы», 1969–1975): То, что нас преследовали, — это было, ну если так можно выразиться, это было правильно. Потому что мы «подрывали устои», мы «разрушали привычные стереотипы» и, в общем, мы изменяли то, что было здесь.
 34. В те годы в более либеральные балтийские республики съезжались хиппи со всей страны и рок-музыканты в первых рядах.
 35. К концу семидесятых коммунистические лозунги уже никого не вдохновляют, жизнь казённая, официальная, становится всё скучнее. Советской власти, очередям в магазинах, железному занавесу, кажется, не будет конца... И рок-музыка перестаёт быть просто хобби — для продвинутых двадцатилетних она становится чем-то вроде религии, а её поклонники образуют многочисленную тайную секту. Посвящённые определяют друг друга по конкретным приметам: в семидесятые — это джинсовые рубашки, клёши, длинные волосы (так называемый «хаер»), в начале восьмидесятых так (или почти так) оденутся сотни тысяч, а избранные — снова сменяют дресс-код.

Часть 2

36. Конец 70-х, жизнь рок-подполья идет как бы параллельно жизни страны.
37. **Борис Гребенщиков** («Аквариум» с 1972): Мы в то время понимали, что пока мы не переведём канон рок-н-ролла на русский язык, — ничего не будет. Россия должна иметь свой рок-н-ролл. А свой рок-н-ролл, если нет корней, значит, эти корни нужно создать. Любая песня [?], которую он обрабатывал сам для себя, получалась не нью-йоркская, а петербургская.
38. [Подпольный энтузиазм русских рокеров того времени (конец 70-х), конечно, достоин уважения].
39. **Егор Белкин** («Урфин Джюс», 1981–1984): Я был в шоке, вот, абсолютно. Даже не из-за того, что там такой странный материал и что его «можно», да... А мне почему-то показалось, что как-то всё очень профессионально, музыка такая — витиеватая... В общем, мне понравилось, я понял, что — ага, совершенно необязательно лупить этот тупой хард-рок (тем более у нас он не получается — ну «не выходит каменный цветок»), оказывается, что можно делать такого рода музыку, и это будет интересно.
40. [В 1981 году желание музыкантов (о неподпольных концертах) совпало с целями властей].

41. **Николай Михайлов** (с 1981 председатель Ленинградского рок-клуба): Музыкантам надоело заканчивать свои мероприятия, концерты — «сейшны» они тогда назывались — встречей с милицией, а у милиции и органов резко возросла отрицательная отчётность — вот, тоже им не очень нравилось. И поэтому какое-то решение должно было быть найдено. И вот оно было найдено в сфере создания такой общественной организации «рок-клуб» — некой такой «рок-резервации».
42. **Всеволод Гаккель** («Аквариум», 1975–1988): Это был чистый опыт, который решил провести КГБ. Если эти юноши не хотели вступать в комсомол, значит, нужно было для них построить какую-то другую организацию, которая будет названа по-другому, но, по сути, она будет являться какой-то контролируемой структурой, подвластной комсомолу, понимаете? Если вы хотите называть это «рок» — ради бога, пускай будет называться «рок-клуб». И получается, вот, что на это все повелись.
43. **Майк Науменко** («Зоопарк», 1981–1991): «Рок — это неинтеллигентная музыка, которую, порой, играют интеллигентные люди» [цитата].
44. [Только в начале 80-х русский рок начинает захватывать периферию страны].
45. [После прихода Андропова (особенно в 83–84 гг.)] в газетах появляются руководящие статьи о «загнивающей молодёжи Запада», «панках» и «фашистах» [далее список]. После них попасть под обвинения в нацизме можно было по самым неожиданным причинам.
46. Понимая, что тотально рок-музыку в стране не запретить, власть применяет испытанный трюк — появляется «филармонический рок».
47. **Всеволод Гаккель** («Аквариум», 1975–1988): В то время к работе никто не относился серьёзно, это была «трудовая повинность». То есть мы все вынуждены были где-то работать, и если тебя выгнали с работы — ничего страшного, в любом случае ты эту работу расценивал как временную, поскольку у тебя было основное занятие. И основное занятие — это была группа.
48. «Дорогие товарищи, вы будете смеяться, но нас вновь постигла тяжёлая утрата».
49. Рокеры быстро научились играть в кошки-мышки с контролирующими органами и использовать ситуацию в своих интересах. В интересах музыки, которую они играют, в интересах всеобщего кайфа.

Часть 3

50. **Александр Агеев** (1985–1992 администратор Московской рок-лаборатории): «Коррозия металла», там, «Звуки Му», «Бригада С» проходили такие, якобы, «комиссии». Каждый раз комиссия была в шоке, но мы объясняли, что это «кукольный театр», например, что, ну, кто-то выходит с косой — и это не значит, что он хочет свергнуть советскую власть, «это такой имидж». Когда «тарификация», значит, каждый артист получал какую-то ставку — там, пять рублей тридцать копеечек, что он вышел на сцену, и кто-то — кто-то! — должен дать эти пять рублей тридцать копеечек, но никто не сказал *кто*. «У нас денег нет», те давать деньги не хотят, но зато мы завели ему [музыканту] трудовую книжку. Четыреста [?] трудовых книжек, где каждый урод вот этот, — «социально опасный» — был вписан как «артист».
51. С 1987 года пошло поехало... Пример столиц [Москва и Питер] — наука региональным музыкантам и губернскому начальству: значит, «можно!». Рок-клубы открываются чуть ли не в каждом областном городе от Калининграда до Владивостока.
52. **Валерий Кипелов** («Ария», 1985–2002): Многие считали, что музыка эта — хэви-метал — это музыка, как правило, людей, страдающих комплексом неполноценности, как Троицкий высказался. Что они поодиночке ничего из себя не представляют, а вот когда собираются вместе все — вот толпа, вот они орут, — вот тогда они «сила». Этот стиль: обязательно нужен хороший вокал — ну обязательно, плохо петь в хэви-метале нельзя (в других жанрах можно, наверное), — нужны хорошие музыканты, хорошие аранжировки, то есть, понимающие люди в этом деле и, опять же, ну обязательно опыт нужен: надо обязательно играть.
53. **Алексей Рахов** («Авиа», 1985–1991): Ну а гэбэшники трактовали это так, что на это специально выделялись средства, что Джоанна Стингрей работает на ЦРУ и, в частности,

- одной из её задач было собирать информацию и заниматься, типа, идеологическими диверсиями в России.
54. В конце октября–начале ноября 1987 года здесь, во Дворце спорта «Юбилейный», проходят первые стадионные концерты «Аквариума»: все песни разрешены к исполнению, многотысячная толпа внемлет каждому слову БГ и хором подпевает «Под небом голубым есть город золотой...». Следом за «Аквариумом» в «Юбилейном» выступают «Кино» и «Алиса»... С этих концертов фактически начинается легализация всего отечественного рока.
55. В газете «Смена» появляется статья «Алиса с косою чёлкой», обвиняющая группу в фашизме, — на Кинчева заводят уголовное дело. Константин подаёт на газету в суд и выигрывает его. Это была первая победа рок-музыкантов в борьбе с системой.
56. Одна из главных горбачёвских реформ — свобода перемещения по миру. До 1987 года Запад — как миф о загробной жизни: кто туда уехал, уже не возвращается. Теперь можно увидеть Ливерпуль или Нью-Йорк воочию.
57. Всё чаще и чаще в жизни рок-музыкантов появляются международные аэропорты. В конце 87-го, в канун нового года, Борис Гребенщиков улетает в Америку. В Англии оседает группа «Звуки Му» (Брайан Ино записывает им альбом). В Голландию и Францию разлетаются группы «Телевизор» и «Кино». Во второй половине 80-х — мода на всё русское, включая рок.
58. Долгожданный «ветер свободы» «дурит голову» всей стране. Неформальные молодёжные группировки выходят из-под контроля — милиция уже ничего не понимает и вяжет всех без разбора. В это время «рок» становится музыкой времени — как «Марсельеза» в революционной Франции или «Варшавянка» в 1917-м. Рок-революция свершилась!
59. **Артемий Троицкий** (музыкальный критик): Рок пошёл по самому мощному каналу массовой информации и «обрушился» на головы всех: детей, пенсионеров и так далее... Я шёл около цирка по проспекту Вернадского днём, и шла группа дошкольников — по-видимому, пяти-шести лет. Дошкольники, значит, шли парами во главе со своей воспитательницей — по-видимому, то ли в цирк, то ли из цирка. И при этом они пели песню. И это была не песня про Чебурашку, не песня про «Крылатые качели»... Они пели своими детскими писклявыми голосами песню «Скованные одной цепью» группы «Наутилус Помпилиус» на стихи Ильи Кормильцева.
60. К началу 90-х русский рок достиг пика формы и вплотную приблизился к пропасти. Практически уничтожив советскую эстраду, рок, незаметно для самого себя, стал превращаться в столь нелюбимую им поп-музыку: стадионы, толпы истеричных поклонниц, интервью на центральных каналах телевидения. При встрече друг с другом вчерашние дворники и сторожа обсуждают не музыку и тексты, а гонорары и менеджеров. Вместо «мы отыграли» повсеместно звучит «мы отработали». Пока ещё рок-звёзды — признанные авторитеты, но их новая массовая аудитория легко меняет свои привязанности. Наступающие десятилетия станут для русского рока серьёзной проверкой на прочность.

Часть 4

61. Конец 80-х — золотая эпоха русского рока. Был противник — советская власть. Она ослабла, уже давала петь, но ещё вызывала сильнее раздражение. Противника не стало — смысл искусства потерялся. В 91-м году это противостояние завершилось — Советский Союз перестал существовать. С исчезновением идеологического пресса стало разваливаться и рок-движение — противостоять стало некому.
62. **Артемий Троицкий** (музыкальный критик): Где он, комсомол? Нету комсомола! Где оно, КГБ? Его вообще переименовали! Минкульт? Кому он нафиг нужен?! Союз композиторов? Организация никому не нужных «пенсионеров»! Борьба стало, вроде бы, не с кем... Петь сердитые песни, бить себя в грудь и объявлять, что «мы ждём перемен»?! Только эти перемены пришли! Вроде бы как...
63. **Юрий Шевчук** (с 1979 «ДДТ»): Вся «социалка», о которой пел Барзыкин [?] и, там, многие другие, я тоже много... «Социалка» — она просто перешла на страницы газет. Поэтому очень многие перестали петь на эту тему — стали петь просто «о любви». «О любви» у многих, к сожалению, тоже таланта не хватило.

64. **Вячеслав Бутусов** («Наутилус Помпилиус»): Состояние такое, знаешь, — лёгкое сотрясение мозга. Потому что, в общем-то, люди более взрослые, более серьёзные — люди, которые на осознанном уровне всё это могли со стороны наблюдать — они, в общем, поняли, что наступает такой период: с одной стороны, вроде, больше самостоятельности, а с другой стороны, — не понятно чё делать с этой самостоятельностью.
65. В первой половине 90-х символом страны становится здание Белого дома. В 91-м году, во время путча, его защищают, вокруг него баррикады, на баррикадах — рок-музыканты Андрей Макаревич, Константин Кинчев, Гарик Сукачёв. Позже, в Кремле, Ельцин вручает музыкантам медали Защитника Отечества.
66. К началу 90-х на Западе русское уже не в моде... Перестройка закончилась, советские рокеры возвращаются домой. Они не стали звёздами на Западе, да и на родине публика хочет чего попроще, повеселей, подо что можно потанцевать...
67. Диктат цензуры заменился диктатом рынка, а на рынке главное — доход.
68. **Валерий Кипелов** («Ария»): Кто-то [из музыкантов] пошёл продавать пиво — я знаю массу музыкантов хороших, которые не выдержали. Кто-то пошли аккомпанировать в то время популярным певцам и певицам — они пошли туда за небольшие деньги. Я же работал сторожем — на той базе, где мы репетировали, хранилась аппаратура, — я там работал сторожем (по-моему, за \$50 в месяц), то есть, с 92-го по 94-й год...
69. В Америке происходит смена поколений — появляется [стиль] «гранж».
70. **Василий Васин** («Кирпичи» с 1995): Все думали о том, чтобы играть рок так, чтобы он был похож на тот рок, который играет в тот момент на Западе.
71. [Произошла окончательная потеря культурного суверенитета, логично вытекающая из фактической потери суверенитета государственного].
72. [Русский рок снова уходит в андеграундные клубы].
73. **Артемий Троицкий** (музыкальный критик): Если в конце 80-х гастроли шли, пластинки выходили, но деньги ещё не играли существенной роли (я думаю потому, что тогда ещё в Советском Союзе всё ещё было очень дешёво), и не было никакого вот этого вот «гламурно-престижного» фактора. Виктор Цой — рокер номер один Советского Союза, — ездил на машине «Москвич» и, в общем-то, его не особо заботило то, что это не Mercedes и не Ferrari. Но с начала 90-х годов деньги стали самым серьёзным ориентиром на всей вот этой музыкальной «полянке». И деньги стали главной мотивацией.
74. **Сергей Шнуров** («Ленинград» с 1997): Мы — короли «корпоративного рока». Я обожаю «корпоративный рок». Потому что он приносит деньги. А деньги я люблю.
75. **Диана Арбенина** («Ночные снайперы» с 1993): На сегодняшний день (я вот такой просто несгибаемый скептик) это полная чушь происходит в современном рок-мире. Потому что то, что уже было, уже, прошу прощения, не так актуально, а нового — ничего достойного того, что было, — так и не появилось.
76. **Сергей Шнуров** («Ленинград» с 1997): Раньше это было модно (ну я ж вообще модник — мне интересно то, что модно), сейчас рок не моден, — и мне он не интересен.
77. Однако, по сути своей, рок, всё-таки, — музыка бунта. Против системы, отцов, ханжества, запретов... И будущее его — не в корпоративных вечеринках или дворцах спорта. Оно — в заплёванных клубах на окраинах больших городов и песнях, выложенных на сайтах в Интернете. Что станет «новой волной» отечественного рока, музыкой XXI века? Питерская «альтернатива», нижегородский панк или фолк-рок из Москвы? Пока не ясно. Но эта музыка появится точно.

Конец текста